

Мила Лейт

Времена года

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26542091

Издательство ИП Ромм М. Н. «Издательский дом Ромм и сыновья»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-99062-231-9

Аннотация

«Времена года» – дебютное произведение автора. Написанное в жанре современной прозы, по своему стилю и направленности оно тяготеет к классике XX-го века, где за увлекательным сюжетом как бы играючи поднимаются вечные вопросы счастья и любви, свободы выбора и смысла жизни.

Книга будет интересна в первую очередь женской аудитории: в жизненных ситуациях, происходящих с главной героиней, читатель нередко может узнать свои собственные, а также по-новому взглянуть на привычные вещи.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	15
3	19
4	24
5	29
6	37
7	46
8	50
9	55
10	64
11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мила Лейт

Времена года

© Турчина Л.Е. 2016

* * *

Часть первая

Осень

1

Бегом по ступенькам через одну, потом – через две, всё быстрее вниз по лестнице; и вот уже ускорение такое, что не бег это, а полёт, и вот скорость уже больше похожа на падение – вниз, вниз, в туман, в какую-то бесконечность... а-ах!..

Марта проснулась. В комнате было темно. Не открывая глаз, она повернулась на бок и натянула одеяло повыше, чтобы снова уснуть. Но вопреки желанию уставшего тела, сон не возвращался. Сквозь неплотно задёрнутые гардины виделось предрассветное, ещё совсем белое небо. Часы в холле тихонько пробили пять. Старинные часы с маятником – резные, с дверцей; подарок на свадьбу... Женщина любила эти часы: она и сама едва ли смогла бы объяснить, почему, но они всегда вызывали у неё какое-то чувство покоя и умиротворённости.

В последнее время она всё чаще просыпалась вот так, ни свет ни заря, да так и лежала, не в силах ни снова уснуть, ни подняться. Мысли пчелиным роем начинали – сперва не

спеша, а потом всё быстрее и быстрее – кружиться, переносясь с одного на другое, и к тому моменту, когда звенел будильник, ей казалось, она слышит, как этот рой гудит у неё в голове.

Часы на свадьбу... свадьба... Она живо увидела себя в пышном кремово-белом платье, с белым же букетом – он потом ещё несколько лет пылился, засушенный, в вазочке в гостиной. Как всё-таки странно: случается много событий, больших и маленьких, а порой и вовсе кажется, что время не движется; но стоит вернуться мыслями куда-то – и словно и не было этих лет, и как будто вчера всё было, и даже лёгкий ужас охватывает от осознания того, как незаметно проносится жизнь.

В первом классе они с подружкой посадили во дворе косточку привезённого с моря персика, – из неё даже вылутился тоненький прутик, который, как и следовало ожидать, морозы, увы, сгубили в первую же московскую зиму. Но каким же недостижимо далёким казалось тогда время, когда дерево даст плоды!.. Они прикидывали, что это будет как раз к окончанию школы, – которое, разумеется, тоже едва маячило где-то в прекрасном далёко. А потом, в день «последнего звонка» она, в последний раз ученицей, прощаясь, гуляла по школьному двору и перебирала в памяти пролетевшие десять лет, грустно недоумевая, как неожиданно быстро это «прекрасное далёко» наступило. Впрочем, грусть была не так уж глубока – как известно, девушкам в семнадцать лет

больше свойственно мечтать о будущем.

Свадьба... Бесконечные приготовления, которым не видно было конца, – а сам знаменательный день, опять же, казался призраком, который легко спугнуть. А потом вся приличествующая случаю суматоха – и вот она уже замужняя женщина, которая счастливо улыбается с множества фотографий в пухлом альбоме.

Марта вытянулась на спине. Сна не было уже и в помине. Глаза бесцельно бродили по светлеющему интерьеру спальни. Уже не в первый раз за последнее время захотелось курить. Странно, она никогда не была курильщицей – так, баловалась вместе со всеми в студенчестве, даже бросать не пришлось – но почему-то мысль о сигарете возникала снова и снова. Она представила выражение лица мужа и чуть усмехнулась: его такая правильная, идеальная жена – и вдруг с сигаретой?..

Борис вообще считал, что женщина курить не то что не должна – права не имеет. Надо признать, этих – то ли тургеневских, то ли шовинистских – понятий у него хватало. Не сказать, чтобы они выпирали настолько, чтобы бросаться людям в глаза, но порой вызывали у неё раздражение. Особенно – эти представления о распределении ролей в доме мужа и жены!.. Муж зарабатывает деньги и участвует в воспитании детей, жена – всё остальное. А как же иначе, на Руси испокон веков так и было. О том, что женщины тогда другой работы, кроме как присматривать за прислугой да вышивать,

и не знали, – крестьяне, понятно, не в счёт, – он, разумеется, не думал.

Нет, Борис не был ханжой. Начитанный, рассудительный, доброжелательный – в студенческие годы он нравился всем преподавателям и родителям, а благодаря своему чувству юмора и открытому характеру был в приятельских отношениях чуть не с половиной курса. Друзья всегда могли рассчитывать на него, если им нужно было одолжиться до стипендии, а с девушками он точно так же не скупился на комплименты – пусть и не всегда искренние. На многочисленных вечеринках, устраиваемых, как принято у студентов, безо всякого повода, он часто был душой компании: Борис всегда умел к месту вспомнить и интересную историю, и весёлый анекдот, да и просто посмеяться чужим шуткам и байкам. В довершение природа дала ему симпатичное лицо, синие глаза и ладную фигуру – надо ли говорить, что девушек, стривших ему глазки, а то и втайне вздыхавших в подушку, хватало.

Собственно говоря, Марта не была исключением. Они познакомились на одной из таких вечеринок – по случаю окончания то ли зачётной недели, то ли сессии – в год, когда она училась на последнем курсе. Борис к тому времени уже закончил учёбу, – он был на год старше её, – и на вечеринку пришёл, будучи другом одного из студентов. Было весело, они играли в разные забавные игры, вроде фантов, расходиться никому не хотелось. Марта сразу обратила внима-

ние на Бориса и, когда в течение вечера их глаза встречались, в груди у неё что-то чуть сжималось. От природы довольно сдержанная, она умела не выдавать своих чувств, поэтому он даже не догадывался, как сильно понравился ей; и отчасти потому, что она была красива, а отчасти по той причине, что не выказывала к нему интереса, – к женскому вниманию он уже давно успел привыкнуть, – из кожи лез, чтобы обратить на себя внимание.

Борис еще в юности понял, как можно понравиться практически любой девушке: держись спокойно и уверенно, будь весёлым, рассказывай забавные истории, ненавязчиво, но регулярно вставляя комплименты и – главное! – смотри на неё так, словно нежданно-негаданно увидел чудо, сокровище, редчайшее произведение искусства. А уж когда женщина в мужских глазах всё время видит своё волшебным образом преображённое отражение, много ли она обращает внимания на его собственные несовершенства!.. К последнему году учёбы в университете он уже имел репутацию главного сердцееда курса. Серьёзных отношений он ни с кем не заводил – зачем, когда добыча сама так и шла к нему в руки, – хотя при этом и строил чёткие планы на жизнь, включавшие семью.

Марта привлекла его не только своей красотой; в её лице была некая одухотворённость, обычно присущая натурам глубоким и цельным. А тем, что сама девушка совсем не старалась ему понравиться, она, сама того не подозревая, разо-

згла в нём и любопытство, и какой-то охотничий азарт. Через общих знакомых он раздобыл номер её телефона, – мобильных тогда ещё не было, – и пригласил на свидание. Как нарочно, в день, который он предложил, Марта должна была ехать на день рождения к бабушке, и в отчаянии, что упускает единственный шанс, она отказалась. Борис же, не ожидавший такого поворота событий, проявил настойчивость – в итоге они встретились в другой день, а потом – ещё и ещё.

Чем больше они общались, тем больше он видел, как Марта подходит ему: уравновешенная и рассудительная, умеет слушать, – а уж как он любил поговорить, как, порой, упивался своим красноречием! Красивая, при этом не похожа на тех пустоголовых вертихвосток, которые пребывают в непоколебимой уверенности, что если уж природа наделила их привлекательной внешностью, то все вокруг теперь им что-то должны. Она не предъявляла глупых претензий, не устраивала сцен, не докучала капризами. Ему было с ней легко и спокойно. Спустя полгода он сделал ей предложение.

В полумраке тускло поблёскивала рамка свадебной фотографии на комод. Девятилетней давности снимок, запечатлевший одно из звеньев в цепи событий её жизни – а ведь когда-то свадьба тоже казалась далёким будущим. Почему она всё время думала о будущем как о чём-то далёком и непременно прекрасном, и о том, что оно будет обязательно лучше настоящего? И с каждым днём будущее отодвигалось в завтра и по-прежнему оставалось там же, в далёком мерцаю-

щем тумане. Так когда же оно должно наступить? И внезапно она вспомнила рекламный ролик, виденный ещё в юности: двое мужчин, молодой и постарше, едут в автомобиле; тот, что постарше – за рулём. А потом как-то оказывается, что за рулём уже тот, что моложе, и звучит фраза: «Кто мог подумать, что будущее наступит так быстро?»

Марта даже приподнялась от неожиданности. Да ведь будущее уже наступило! То самое, сияющее в туманной дымке, где все видели себя счастливыми, успешными, богатыми, знаменитыми – вот оно, здесь и сейчас, в тридцать два года! Куда его дальше откладывать?

То самое время, которое виделось неким рубежом для получения всего-всего – вот оно, здесь и сейчас: и в этой комнате, и за её стенами – на кухне, в детской, в гостиной; и за стенами квартиры – на работе, в продуктовых магазинах, на улицах, в метро.

В замешательстве, как человек, которому сообщили совершенно неожиданную и не особенно приятную новость, она огляделась. Нежное сентябрьское утро всё увереннее пробиралось в комнату. Под окнами уже зашуршали первые троллейбусы. Марта осторожно выскользнула из постели, прошла на кухню и вышла на балкон.

Стояла совсем ещё летняя погода, даже первые прохладные ночи не успели остудить воздух; только отдельные жёлтые пряди пестрели в густой зелени деревьев, газоны оставались изумрудными, с редкими кляксами опавших листьев.

Марта глубоко и с наслаждением вдохнула по-утреннему свежий воздух, закрыв на мгновение глаза. Будущее уже наступило. Здесь и сейчас. Как же так? Как же так получилось, что она и не заметила, как, подсознательно отодвигая эту условную черту, она словно и жизнь свою отодвигала на потом? Нет, конечно, жизнь состояла не только из повседневных забот, от которых никуда не деться никому, но столько событий по-прежнему оставалось только в планах!

Она никогда не была в Париже. В детстве и юности, читая «романы плаща и шпаги», она представляла, как увидит Лувр, пройдёт по коридорам Версаля, прогуляется по Новому Мосту, зайдёт в Нотр-Дам... Она никогда не была в Италии. Правда, они с Борисом планировали поехать туда лет семь назад, но тут выяснилось, что она беременна, и все планы на Италию пришлось отложить – как оказалось, на неопределённый срок. И в Лондоне она не была – а ведь этот город, весь в плотном сером тумане, засаженный нарциссами, щетинящийся шпилями башен и кованых ворот, – во всяком случае, таким она его видела на открытках, – до мурашек по коже звал её к себе. Она всё ещё так и не увидела ни Америку, которая уже воспринималась как декорация к большинству фильмов, что они смотрели, ни Индийский океан... что уж говорить об экзотике вроде Австралии или тихоокеанского побережья!

Но ведь ездили же они отдыхать, и даже не раз в год. Ну да, ездили – в отели для семейного отдыха Анталии и Египта. В

этом был, разумеется, свой резон – маленький ребёнок... но разве сама она пробовала хотя бы раз хоть что-нибудь изменить в этом замкнутом круге, как и в замкнутом круге «работа – дом – работа»?

Она так и не пошла учиться рисовать, хотя каждый раз после посещения музея или какой-нибудь выставки говорила мужу с улыбкой: «Всё-таки надо бы и мне попробовать заняться живописью! Мне кажется, у меня получилось бы!». Да она даже устриц ещё ни разу не попробовала, хотя ей всегда было очень любопытно, как это можно есть живые ракушки, – а ведь для этого даже не нужно было никуда ехать. Продолжая тему еды, она вспомнила, что так ни разу и не приготовила одно интересное экзотическое блюдо, рецепт которого вырезала в детстве из журнала, освещавшего жителям постсоветского пространства, ещё только начинавшим выглядывать из-за «железного занавеса», всё многообразие земного шара.

Хотя, с другой стороны, разве ей плохо? Может быть, если она до сих пор не нашла возможности всем этим заняться, значит, это не так уж и нужно, как кажется? Но тогда почему она по-прежнему вспоминает обо всех этих планах и мечтах, почему они не остались в коробке с её старыми игрушками, как, например, детская мечта быть стюардессой? Нет, сейчас стюардессой ей быть не хотелось, это точно. Марта улыбнулась, запрокинула голову. Небо было высоким, до краёв наполненным бесконечной безмятежной голубизной, и, слов-

но продолжая её мысли, высоко-высоко крохотным стальным пёрышком чертил тонкую белую линию на чистом листе небосвода самолёт. День обещал быть великолепным. Марта приложила ладони к вискам, замерла – как-то всё слишком сложно. И, уже уходя с балкона, она услышала, как в спальне звенит её будильник, призывая к привычным делам, но где-то в глубине сознания занозой остался какой-то так и не решённый вопрос.

2

Борис вошёл на кухню в тот момент, когда она ставила тарелку с кашей перед Мишей, их шестилетним сыном. Это был миловидный мальчик, унаследовавший от Марты её светлые волосы и кожу, а так же, – «к счастью», как она, улыбаясь, при этом обычно добавляла, – её спокойный характер. Миша, видимо, ещё не до конца проснувшись, в ответ на ласковое тисканье отца пробурчал, не поднимая глаз, «доброе утро» и взял ложку.

– Отличная погода, кажется, – произнёс Борис, стоя со стаканом сока перед приоткрытой балконной дверью. – Только бы ещё и завтра продержалась. – Он обернулся к жене и весело улыбнулся, предвкушая праздник.

Завтра, в субботу, был день его рождения, который они планировали отмечать на даче в компании друзей; разумеется, с шашлыками, – к радости Марты, которую это избавляло от двухдневной вахты у плиты и духовки, словно у доменной печи. К тому же, она была рада поймать бабье лето на природе: пошуршать в лесу палой листвой, вдыхая её пряный аромат, подставить лицо побледневшему солнцу и, если повезёт, раздобыть опят или груздей.

Она предвкушала, как вечером, уложив Мишу, сядет на их небольшой террасе и будет смотреть в ясное ночное небо, – «что ни говори, а в городах мы забыли, что там есть

звёзды», – найдёт, как обычно, Большую медведицу, потом – Малую и, конечно, Полярную звезду. В любой стране, в любом месте она всегда искала Полярную звезду – непостижимым образом та манила её своим холодным северным светом, создавая при этом ощущение чёткого ориентира в таком изменчивом мире. Полярная звезда, которая столетиями вела моряков и путешественников, словно и ей говорила: «Пока я здесь, ты всегда будешь знать, где север, а значит, и где остальные стороны света, а значит, и где твой дом».

Марта улыбнулась, вспомнив, что недавно слышала где-то, что уже создали карту звёздного неба, на которой в реальном соотношении отображены все звёзды, при этом контуры созвездий прочерчены как на астрономической карте, и небо движется в точности так, как в реальности. И там были ещё какие-то технические ухищрения, чтобы облегчить желающим изучение любительской астрономии. Когда она училась в школе, она так и не смогла найти ни одного из созвездий с карты, кроме этих двух, «полярных». Может, сейчас она смогла бы найти и другие? Интересно, слышал ли кто-то из знакомых про это изобретение? Внезапно ей захотелось осуществить эту детскую мечту – раз уж теперь стало так просто разобраться в звёздном небе; только вот где эту карту изобрели и где на неё можно посмотреть, она никак не могла вспомнить.

– Скажи, а ты не слышал... – обратилась она к мужу, но обернувшись, заметила, что он уже вышел.

Что ж, Борис в своём, как говорится, репертуаре: собеседник ему интересен либо пока говорит он сам, либо пока идёт обсуждение интересующих его вопросов. Как только он считает тему исчерпанной или речь заходит о чём-то, что не имеет отношения к нему самому, – только его и видели. Что ж, сколько она его знала, он всегда и со всеми был таким. Марта вздохнула. Борис – прекрасный муж, спору нет... но всё же то, что в период влюблённости она безоговорочно принимала, сейчас вызывало у неё то обиду, то раздражение.

Она вспомнила время, когда они только начали встречаться. Как же она тогда была влюблена в него! Счастье заключалось просто в том, чтобы видеть его, находиться рядом. Что бы он ни говорил, что бы ни делал – всё было прекрасно в её глазах. Когда они впервые поцеловались, у неё в буквальном смысле подгибались колени. Она не совсем понимала, насколько сама нравится ему, поэтому до последнего старалась не выдавать своих чувств, и уж тем более не задавала вопросов. Когда он предложил ей выйти за него замуж, от нахлынувших эмоций она несколько секунд просто не знала, что сказать; как дать ему понять, что она не просто согласна, а вообще не представляет себе жизни без него, – чем, как потом выяснилось, успела напугать жениха, принявшего её молчание за неуверенность.

И теперь, пока Марта быстро убирала на кухне после завтрака, собирала Мишу в детский сад и поспешно одевалась сама, она вдруг пришла к мысли, что жизнь человеческая

делится на две неравные части: первая – это влюблённость, веселье и планы на будущее. А уж вторая состоит из неизбывных ежедневных хлопот, которые не оставляют ни сил, ни времени на что-то ещё. Ей сразу же показалось, что в этой теории что-то не вяжется, но додумать мысль ей не дал муж. Стоя в дверях, он позвал её, чтобы окончательно условиться насчёт вечера:

– Знаешь, пораньше я всё-таки вряд ли успею, так что ты Мишку сама забери и жди меня дома, ладно? Поднимусь за мясом только – и поедем. – И, целуя на ходу Мишу, захлопнул дверь.

3

Воздух был прозрачный и чистый, напоённый запахом ранней осени; несколько тонких облачков редкими мазками разбавляли ровную синеву неба. Всегда восприимчивая к красоте, Марта раскинула руки навстречу предстоящему дню, улыбнулась. Она увидела во дворе Бориса, который как раз начал ставить мангал, легко спрыгнула с крыльца и побежала к мужу.

– С днём рождения, милый, – она, улыбаясь, крепко обняла его. – Посмотри, какой подарок приготовила тебе погода.

– Да уж, не то, что в прошлый раз, – улыбаясь, он продолжал возиться с мангалом.

Постояв рядом ещё с минуту, Марта отправилась в дом: гостей в этот раз предполагалась целая толпа, так что и без подготовки сделать ещё нужно было многое. И пока она перетирала тарелки и бокалы, раскладывала приборы, мыла зелень, резала овощи, краем глаза присматривая за играющим неподалёку сыном, ощущала себя так, словно этот ясный день занялся и в её душе. Присела на солнечное крыльцо, прижала к себе подбежавшего Мишу. Счастье вытеснило все недавние сомнения, как солнце высушивает утреннюю росу.

Сегодня соберутся их старые друзья – в основном, тоже семейные пары; а ещё приедет сестра Бориса, Арина. На четыре года его старше, она уже успела сделать блестящую ка-

рьеру в сфере искусства, а также дважды выйти замуж и дважды же развестись. На праздные вопросы, вроде «а почему Вы не замужем?» она – мило или язвительно, в зависимости от обстоятельств – отвечала: «Знаете ли, в первый раз мне там не понравилось, потом меня уговорили проверить, стало ли лучше... оказалось – нет, так что больше выяснять этот вопрос я не хочу».

Последние несколько лет она занималась поиском новых талантов, организовывала выставки молодых художников – собственно, во многом именно благодаря ей Марта время от времени и выбиралась на подобные мероприятия. Искусствовед по образованию, Арина не только знала и любила своё дело, но также зарабатывала достаточно, чтобы исколесить чуть ли не полмира, посещать все интересовавшие её премьеры, красиво одеваться и не смотреть на цены в меню в хороших ресторанах, где она была частым гостем. Редкая удача – так выбрать профессию.

Периодически Арина знакомила их с кем-нибудь из своего творческого круга – интересными художниками, фотографами, дизайнерами. Сфера её знакомств была, казалось, необозрима и всё расширялась. Из своей личной жизни Арина тайны тоже не делала, так что если она с кем-то появлялась на вечеринке или светском мероприятии, это значило, что с этим мужчиной она либо спит, либо собирается сделать это в ближайшее время.

В ожидании гостей Марта сидела во дворе, наблюдая, как

рядом возится со своими машинками Миша, чувствуя, как солнечные лучи запутались в её волосах. Она подумала, как удачно получилась эта новая беседка в саду. А следующим летом они планировали перестроить крыльцо, чтобы сделать более удобным выход из дома.

Начали приезжать гости – семейные пары, кто с детьми, кто без. Поднялась радостная суета – поздравления, шутки, смех. Одной из первых прибыла старинная, – если можно так сказать о сорокалетней женщине, – подруга Бориса, Катерина: добрая, шумная, она, несмотря на свои немалые размеры, не только сама кипела энергией, но и удивительным образом заражала ею окружающих; её единственным недостатком была неизменная привычка говорить о том, какие талантливые у неё дети, родители и, разумеется, она сама. Под руководством Катерины одновременно начались подготовка шампуров, перемещение посадочных мест и откупоривание бутылок.

Говорили, как это обычно бывает при встрече давно не видевшихся людей, все одновременно: обменивались бытовыми новостями, радовались погоде, вскользь обсуждали общих знакомых. Малышня, на время предоставленная сама себе, затеяла какую-то весёлую возню во дворе, и восторженные крики то и дело доносились из их пестрой подвижной компании.

Арина явилась последней. Высокая, худощавая, с короткой стрижкой, которую оттеняли крупные серьги; на чуть бо-

лее длинном, чем принято считать красивым, носу – броские солнечные очки. Её спутником был высокий мужчина лет сорока с тёмными вьющимися волосами почти до плеч; его узкое лицо обрамляла тонкая бородка. Едва уловимо он напоминал Христа с картин эпохи Возрождения.

– Держи, дорогой братец, с днем рождения! – Арина протянула перевязанную лентой коробку, обняла Бориса. – Будь здоров и счастлив. – Она отстранилась. – А это Марк, один из самых талантливых фотографов современности... я бы даже сказала: художников, потому что его фотографии – это, вне сомнений, произведения искусства... – Улыбаясь, Арина слегка обняла мужчину за плечи. – Вырвался к нам ненадолго из Парижа. Сейчас мы занимаемся подготовкой его выставки, так что вскоре все вы и сами сможете убедиться, что я несколько не преувеличиваю. – Она снова лучезарно улыбнулась, обводя аудиторию взглядом. – Не пугайтесь, Марк родился в России, так что переводчик не потребуется. – Она не переставала обнимать его.

Всё это время фотограф дружески смотрел на компанию. От внимательной Марты не укрылся произвольный жест, словно он хотел высвободиться из объятий своей спутницы.

– Не стоит так уж превозносить меня, а то, боюсь, выставка может не оправдать ожиданий, – непринуждённо произнёс он. Голос у него был низкий и как будто чуть простуженный.

– Ну теперь уж нам точно нужно прийти, чтобы всё уви-

деть своими глазами, – сказал Борис.

– И когда же такое было, чтобы твоя сестра ошибалась в вопросах искусства? – Арина мастерски изобразила комическое возмущение, от чего все присутствующие просто покапались со смеху.

В эту минуту глаза Марты встретились с глазами художника. Она почувствовала какое-то странное, непонятное ей смущение, словно ей было что скрывать от него... или как если бы он застал её за каким-то неподобающим занятием. Она продолжала смотреть на него без улыбки, чувствуя, что не в силах ни отвести глаза, ни произнести светские банальности. В направленном прямо на неё взгляде мужчины сквозило некоторое удивление, словно он не ожидал встретить её здесь. Марта успела подумать, как хорошо сидит одежда на его ладной фигуре, и от этого смутилась ещё больше.

Но тут Катерина подскочила к ней с каким-то вопросом. Смеясь и болтая, все гурьбой направились в сторону мангала. Марта как хозяйка дома стала помогать гостям рассаживаться, передавала наполненные ароматным мясом тарелки, следила, чтобы хватало салфеток и приборов, – чары рассеялись.

Наутро Марта проснулась с ощущением: что-то случилось. Такое чувство бывает наутро после важных событий, когда человек, ещё не до конца пробудившись, находясь на грани между сном и действительностью, несколько секунд не в состоянии полностью осознать реальность, но уже понимает: что-то произошло. Лежа одна в постели, – муж уже встал, – она перебирала в уме события прошедшего дня. Праздник, гости, шашлыки... Конечно, здорово хоть иногда собираться вот так. Разошлись все, как и следовало ожидать, поздно, так что когда она закончила убирать со столов, была уже глубокая ночь.

Она всё ещё чувствовала усталость после долгого дня, вставать ей не хотелось. Как и не хотелось признаваться самой себе, что просто хочет побыть одна, наедине со своими мыслями. Этот француз, фотограф... почему она думает о нём? Он не особенно участвовал в общем разговоре, но шутки, которые время от времени вставлял, были умны и всегда к месту. В какой-то момент они с Мартой оказались рядом. Чтобы поддержать беседу, она спросила:

– А что вы фотографируете? – И тут же подумала, что смо-розила глупость. «Ну и душой же я, наверное, сейчас выгляжу!». К её удивлению, художник на некоторое время задумался, а потом сказал очень серьёзно, словно и сам впервые

задал себе этот вопрос:

– Знаете, я стараюсь запечатлеть жизнь. Показать, какая она разная, какими удивительными бывают её проявления, увидеть её там, где не ожидаешь. Думаю, – он улыбнулся и посмотрел на собеседницу, – иногда у меня это получается. И я бы хотел, чтобы и другим мои работы помогли понять это. Может быть, лучше узнать и себя, и этот мир... и если это действительно так, я буду считать, что мои труды не напрасны.

– Вы, наверное, очень счастливый человек, – сказала Марта, – занимаетесь любимым делом, в котором можете выразить себя... – Почему-то ей внезапно стало немного грустно. Он внимательно посмотрел на неё, словно искал подвох в этих словах, затем снова улыбнулся:

– Что ж, пожалуй, вы правы. Но человек такое существо, которому для счастья надо немало.

– Немало?... А как же это выражение: «как мало нужно для счастья»?

– Оно ошибочно, точнее, оно – не о счастье. Для того чтобы испытать радость, восторг и в самом деле нужно немного. Но наши эмоции так же быстро угасают, как и возникают, не правда ли? Однако счастье – это ведь не эмоция. Это – состояние души. А разве можно достичь какого-либо состояния просто так, за минуту-другую? Зато и длится оно значительно дольше. Вы понимаете, о чём я?

– Да, но всё же... Вот, например, дети. Я обнимаю сына

или смотрю, как он играет, и уже счастлива – получается, мне немного нужно?

Он покачал головой:

– Перед тем, как иметь возможность обнять своего ребёнка, надо его выносить, – и не всегда это оказывается просто! – родить, проводить с ним все дни и бесконечные бессонные ночи... да что я вам рассказываю! Сколько физических и душевных, – особенно душевных! – сил требует ребёнок. Так что получается, что для счастья просто смотреть, как он играет, нужно очень, очень многое. – Он снова улыбнулся ей. – И знаете, я пришёл к мысли, что это хорошо: раз счастье человеку достаётся в результате тех или иных трудов, он имеет возможность и осмыслить всю его важность, и ценить его. – Он помолчал, как будто вдруг заметил нечто, на что до этого не обращал внимания, и медленно добавил: – Как странно, что, даже получая счастье немалой ценой, человек часто не способен ценить его!..

Сейчас, обдумывая этот разговор, Марта вспомнила его пронизательный взгляд – наверное, так начинает смотреть человек, привыкший, как он, искать новое в привычном? Тёмные, словно подведённые, глаза, чётко очерченные губы. Родился в России – да француз ли он? Впрочем, какая ей разница... какое ей вообще дело до нового любовника Арины?! И стоило ей об этом подумать, как она поняла, что же точит её: ей неприятно, что фотограф влюблён в другую женщину. В смятении она села на кровати, обхватила руками колени:

что за чушь?!

Марта пожала плечами. Вот уж не ей, счастливой матери семейства, беспокоиться о посторонних людях! Она и внимание-то на него обратила лишь потому, что он – из Парижа. Можно подумать, за все годы брака ей не встречалось привлекательных мужчин. Спору нет, он хорошо выглядит... пожалуй, даже красив. Но если бы всё определялось исключительно внешностью, все человеческие отношения и завязывались бы, и рассыпались в мгновение ока.

И всё же она лукавила, намеренно стараясь свести все достоинства нового знакомого только к внешним данным. Проницательному наблюдателю не составило бы труда заметить, что то, как художник держался, как смотрел на гостей, что и как говорил характеризовало его как человека, немало повидавшего в жизни, много знающего, умеющего быстро и точно оценить людей, а также подать себя или уйти в тень, когда нужно. Разумеется, Марта не проводила подобного анализа, но и не заметить ума и неординарности этого мужчины не могла. Возможно, с подобными людьми жизнь и в самом деле ещё её не сводила, а может быть, у неё просто давно не было новых знакомств – но как бы то ни было, образ приятеля золовки не исчез бесследно из головы.

Большинство гостей разъехалось по домам, кто-то остался ночевать у них на даче. Со двора уже доносились голоса и какая-то возня. Пора вставать и хозяйке. Она вспомнила, как они вчера прощались: ей показалось или его объятие

действительно было чуть большим, нежели просто вежливая формальность? «Да что же это такое, – мысленно вознегодовала на себя Марта, – не хватало ещё забивать себе голову всякими глупостями!»»

Она сердилась на себя, на то, что странным образом чувствовала себя не в своей тарелке, что никак не могла переключиться на день сегодняшний, зачем-то застревая в дне прошедшем. И, словно освобождаясь от пут, решительно сбросила одеяло и стала одеваться.

Следующая неделя прошла в привычных заботах. Погода испортилась: задождило, в остывшем воздухе по-настоящему запахло осенью, разом пожелтевшие листья падали в тонкие лужи и в мокрую траву. Тротуары наполнились разноцветными зонтами, собак выводили на прогулку в пёстрых дождевиках. Останкинская башня и высотки пропадали верхушками в белёсом тумане.

Марта вышла с работы. Ветер раздул полы её тёмно-синего плаща, брызнул на ноги холодными дождевыми каплями. Сырость вдруг пробрала до костей. То ли потому, что была слишком легко одета, то ли потому, что совершенно не выпалась, опять проснувшись чуть свет, она как-то сразу замёрзла и торопливо зашагала к метро. Фонари на бульварах уже зажглись медовым светом, сделав городские сумерки уютными.

Раньше она любила гулять по осенним улицам: в то время как природа готовилась уснуть, город стряхивал с себя летнюю спячку. Тогда после учёбы или работы она частенько не спешила домой: медленно шла по тротуарам, ощущая пробуждение города в потоке автомобилей, стайках школьников и студентов, свежих театральных афишах. Теперь после работы она торопилась забрать Мишу из детского сада, потом – домой, готовить ужин, мыть посуду, гладить мужу

рубашки, и все эти бесконечные «там протереть, здесь поправить». Они вполне могли бы позволить себе домработницу, которая приходила бы раз в неделю убирать и гладить, но Борис даже мысли не допускал, что кто-то посторонний будет прикасаться к его вещам. То, что у жены на домашние дела уходит чуть ли не всё свободное от работы время, он считал нормальным.

– Марта? Марта!

Она остановилась, повернула голову. На пороге книжного магазина стоял давешний француз-фотограф. Элегантное чёрное пальто, шарф, на правой руке – чёрная же перчатка, вторую он держал в свободной, – очевидно, выходя, надевал их и в этот момент как раз увидел Марту. Он шагнул к ней на тротуар.

– Э-э-э... добрый вечер... – Уже не в первый раз она чувствовала непонятную растерянность в его присутствии. И совершенно не находила, что добавить к произнесённому приветствию. К счастью, художник сам продолжил разговор:

– Какой сюрприз, – эти простые слова он произнес так серьёзно, словно сообщал ей важную информацию. И добавил с лёгкой улыбкой: – Не самая располагающая к прогулкам погода, пожалуй?

– О, я просто иду с работы.

– У вас, должно быть, какие-то интересные планы – я заметил, вы спешите.

– Нет, я всего лишь тороплюсь домой... ну и ещё нужно

забрать сына из детского сада!

Его вопрос очень удивил её – разве их гость забыл, что она – мать семейства? Или, может, во Франции всё по-другому, и даже если у тебя дома семеро по лавкам, ты имеешь право на личное время? Она и сама от себя не ожидала такой внезапной волны раздражения.

– Ах да, конечно, – он кивнул, внимательно глядя на неё.

«Смотрит, как врач на пациента, которому надо поставить сложный диагноз», – мелькнуло у Марты.

– Скажите, Марта, – он по-прежнему был серьёзен, – может быть, у вас всё-таки найдётся время на чашку кофе, совсем чуть-чуть?

Её первой реакцией было: извинившись, отказаться. Но всё её существо хотело остаться: она уже миллион лет не заходила никуда просто так, на чашку кофе, не общалась, кроме как по рабочим вопросам, с мужчинами, а главное – ей действительно было приятно его общество. Ещё тогда, на даче, он привлек её внимание; то и дело она ловила себя на том, что рассматривает его, но если их взгляды вдруг встречались, тут же отводила глаза. Сейчас у неё и правда было полчаса.

Она почти машинально посмотрела на часы, потом пожала плечами, улыбнулась:

– Что ж, хорошо, только совсем ненадолго.

Они зашли в первое попавшееся кафе. Как по заказу, место оказалось удивительно уютным: небольшая кофейня, где

стоял запах свежесмолотого кофе и выпечки; мебель с гнутыми ножками и светильники с абажурами, на стенах – потемневшие зеркала в рамах и старые фотографии. Рабочий день уже закончился, так что в зале былолюдно. На их удачу как раз освободился столик у окна и, не успели они сесть, как Марта ощутила себя словно в другом мире: за огромным, во всю стену, окном в начинающихся сумерках зажигались огни, куда-то шли люди, гудели автомобили; казалось, она наблюдает за прекрасным незнакомым городом из каюты корабля. Видимо, что-то отразилось на её лице, потому что Марк произнёс:

– Интересно иногда вот так посмотреть со стороны на что-то привычное, правда? Порой я специально сажусь за столиком в кафе и наблюдаю за происходящим вокруг. В Париже столики стоят прямо на тротуаре... Вы были в Париже? Нет? Это, право же, большое упущение. Удивительный город. Сколько в нём живу, исходил вдоль и поперёк, кажется, уже знаю каждый камень – и не перестаю ему удивляться. Эти белые дома с решетчатыми балконами, шелестящие платанами бульвары, бесчисленные кафе, цветочные лавочки и мосты, мосты... – непередаваемая атмосфера! Даже сложно сказать, что именно делает его столь прекрасным, но его очарование – бесспорно и упоительно. – Он улыбнулся. – Неспроста этот город всегда притягивал творческих людей. – И вас?

Он в задумчивости кивнул несколько раз:

– И меня. Я сбежал туда в восемнадцать лет. Я знал, что мне придётся очень непросто, но даже в самые тяжелые минуты не сомневался в своём выборе. – Марк усмехнулся: – Видели бы вы, как я тогда жил!.. Каморка, носившая громкое название «квартира», куда едва помещались диван, крохотный стол и раковина с плитой, совмещала функции и гостиной, и кухни, и спальни – всего. Зато она была прямо у Люксембургского сада – чудесное место, насквозь парижское, даже сейчас оно почти не тронуто туристами. Что ж, в юности, к счастью, легко переносить бытовые невзгоды, а энтузиазма мне было не занимать. Словом, оно того стоило.

– И вы добились именно того, чего хотели с самого начала?

– Я нашёл себя. – Пауза. – А вы? – Какая-то искорка мерцала в глубине его глаз.

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно, повисло короткое молчание. Марта машинально ещё раз отметила про себя, какие тёмные и густые у него ресницы. Она обхватила чашку с принесённым кофе обеими ладонями, посмотрела за окно. Мимо проходила в обнимку молодая пара; резкий порыв ветра растрепал волосы девушки, она, смеясь, принялась их поправлять, при этом парень обнял её ещё крепче. Они прошли дальше. Несколько сорванных листьев пролетело мимо стекла. И неожиданно для самой себя она произнесла:

– Если не знаешь, что ищешь, никогда не поймёшь: нашёл

или нет.

Он внимательно смотрел на неё, а она продолжала:

– Последнее время меня постоянно одолевают какие-то сомнения. Такое впечатление, что подсознание хочет что-то сказать мне, а сознание не может этого уловить... или как это правильно назвать... Самое странное – мне не на что жаловаться, у меня всё хорошо... правда хорошо! – и дома, и на работе. При этом я стала плохо спать, мне всё время кажется, что я забыла о чём-то важном, я пытаюсь это анализировать, но ничего не получается... я никогда не была в Париже... я вообще почти нигде не была, хотя могла бы... я не понимаю, почему я обо всём этом думаю, и я так устала!..

Конец фразы она произнесла почти шёпотом, словно про себя. Допила, не поднимая глаз, кофе, провела пальцем по белой чашке тонкого фарфора. «Зачем я говорю ему всё это?» Она чувствовала его взгляд и упорно продолжала рассматривать пустую чашку.

– Марта, а вы любите свою работу?

Любит ли она свою работу? Что ж, в целом, её всё устраивает: дело своё она знает, отношения в коллективе хорошие. Переводчик английского и французского – можно ли вообще всерьёз любить такую работу? Поначалу, после университета, когда всё было ново, ощущения, разумеется, были другими: ей нравилось обогащаться новыми знаниями, совершенствовать мастерство, открывать неизвестные ранее нюансы. Потом прелесть новизны исчезла, зато появилась спокойная

уверенность профессионала, но затем и она стала привычной. Можно ли открыть новые грани в своей профессии? Много ли вообще на свете профессий, которые позволяют расти и расти, требуют применения накопленных знаний и опыта, при этом дают простор для творчества? Знает ли она вообще кого-то, кто действительно любит свою работу?

– В целом – да.

– Но если я спрошу вас, любите ли вы своего ребёнка, вы ведь не скажете «в целом»?

Ох, ну чего он от неё добивается, как это вообще можно сравнивать?! Тут взгляд её упал на левое запястье – часы показывали, что в кафе она пробыла дольше, чем предполагала.

– О боже!.. Марк, простите, но мне уже давно пора уходить, мне и в самом деле нужно забрать ребёнка и... – Марта поднялась и стала поспешно надевать плащ.

– Да-да, понимаю, – голос его звучал огорчённо, но в глазах оставалась улыбка. – Но мы могли бы продолжить наш разговор, не правда ли? Скоро я ненадолго уеду в Париж, но потом вернусь продолжать подготовку выставки – вы можете встретиться со мной на этой неделе? – Он тоже встал и оказался совсем близко.

Она в замешательстве молчала. Это свидание? Не похоже, чтобы он назначал свидание. Тогда что ему нужно от неё? Не в самом же деле он хочет выяснить, любит ли она свою работу! И может ли она, замужняя женщина, назначать лич-

ную встречу с женщиной?

– Хорошо, – он достал визитку. – Вот мой номер, пожалуйста, позвоните, когда вам будет удобно. Я действительно очень хотел бы снова увидеть вас.

Они быстро простились, Марта чуть ли не бегом покинула кафе и, только подходя к турникету в метро, увидела, что её левая ладонь всё ещё сжимает визитку художника.

Борис повернул ключ во входной двери – как ни странно, она не открылась. Он привык, что к его возвращению жена всегда дома, а значит, дверь запрета только на нижний замок. Он повозился с обоими замками, вошёл. В квартире было непривычно темно и тихо – он даже растерялся на минуту. Прошёл на кухню, потом вернулся в гостиную, включил телевизор, принялся листать каналы. Где же Марта? Не то, чтобы он соскучился, но одно дело – приходиться в освещённый дом, где пахнет вкусным ужином и слышно, как жена болтает с сыном, другое – в тёмную пустую квартиру... она даже показалась ему холодной.

Он всегда – в открытую или втайне – сочувствовал тем из своих приятелей, чьи жёны, занимая серьёзные должности или просто в силу специфики своей профессии, поздно возвращались с работы. С молодых ногтей у него было твёрдое убеждение, что женщина должна быть помощником и тылом для мужчины, но не более. Претензия современных женщин выходить на первые роли в профессиональной, а также общественной и политической жизни его несколько раздражала. Если заходили разговоры на подобные темы, в целом его позиция была такова: жена должна вкусно готовить, содержать дом в чистоте и уюте, воспитывать детей, а также хорошо выглядеть для мужа. Работать она может, но только при

условии, что это не отразится ни на чём из вышеперечисленного. Собственно говоря, всё сводилось к классическому «кухня, церковь, дети». А когда представительницы отряда «друг человека» начинали возмущаться, что у женщин тоже есть потребность если не в профессиональной самореализации, то хотя бы в хобби, он смеялся, что те женщины, которых он знает как реализовавшихся профессионально, на женщин не особенно и похожи: «Ну ты посмотри на неё – что же ей ещё остаётся, кроме профессиональной самореализации?» – и, довольный шуткой, веселился от души.

Но разумеется, он не позволял этим понятиям портить его отношения с прекрасными дамами. Женщинам он нравился – а кому не приятно пользоваться успехом у противоположного пола – поэтому, общаясь с ними, не скупился на комплименты, бросал заинтересованные взгляды, отчего, разумеется, нравился ещё больше: ведь не секрет, что ответную симпатию проще всего вызвать собственной симпатией к человеку. А предпочитал он всегда как раз таки милovidных барышень, не отягощённых другими стремлениями самореализации, кроме как удачно выйти замуж.

Свои интрижки, которые он несколько раз заводил после женитьбы, он искренне считал совершенной невинностью, которая только способствует прочности его брака. Логика его была проста, как алюминиевая кастрюля: если моя семья не страдает ни материально, ни морально, – ведь никто не знает! – то кому от этого плохо? Одинокая женщина полу-

чила удовольствие, которого ей не хватало, я получил разнообразие, которое мне, как нормальному мужчине, необходимо, а жена получила довольного мужа – все счастливы. Правда, однажды эта теория дала осечку, да так, что Борису даже пришлось здорово испугаться.

Года три назад он увлёкся девушкой, которую взяли на работу в их компанию. Совсем молоденькая, вчерашняя студентка, она производила впечатление не только хрупкости физической, но и какой-то моральной чистоты. Борис начал аккуратно наводить мосты. Алина на его приёмы не особенно реагировала, но и общения не избегала. Он узнал, что у неё есть молодой человек, можно сказать – жених, но его это не только не охладило, наоборот: с одной стороны, разыграло желание заполучить запретный плод, тем самым доказав самому себе, какой он герой-любовник; с другой – ситуация, с его точки зрения, уравновешивалась тем, что оба они несвободны, а значит, получив своё, все разойдутся, довольные друг другом.

Месяца три он заходил с разных концов: то приглашал её на невинные прогулки после работы, во время которых вёл беседы о литературе, религии, философии и прочих предметах, которые, по его мнению, должны были показать его глубину и серьёзность; при этом и сам всегда был внимательным слушателем, давая понять, как важно ему её отношение к затрагиваемым вопросам.

То звал её на обед и там превосходил себя в остроумии,

рассказывая забавные истории или комментируя рабочие моменты и новости. То при встрече в коридоре молча смотрел на неё долгим задумчивым взглядом, то посылал смешные или трогательные открытки по электронной почте – словом, не жалел сил, чтобы исподволь дать понять, какой особенной и важной она для него стала. На её день рождения, который пришёлся как раз на это время, он подарил ей охапку тёмно-красных роз.

И вот его радары уловили перемену в её к нему отношении. Всё, что последовало за этим, было подобно снежному кому, который, всё увеличиваясь, несётся с горы с нарастающей скоростью.

Они стали почти ежедневно проводить вместе время после работы, потом Борис стал улучать часок, чтобы побыть с ней, и в выходные. Ехали на его машине куда-нибудь в укромное место и там отдавались переполнявшей их страсти, – благо, темнело уже совсем рано. Как-то вскоре после того, как они стали любовниками, Борис спросил девушку о её женихе и планах на будущее. Её и без того огромные глаза распахнулись в недоумении:

– Какие у меня могут быть планы, если я с тобой? Я рассталась с ним, когда поняла... – Она провела ладонью по его волосам. – Когда поняла, что встретила тебя.

Он промолчал. Заходить так далеко в его планы не входило, и что-то подсказывало, что лучше прекратить эту связь сейчас, пока она не стала прочнее; но отказаться от удоволь-

ствия быть с ней, прижимать к себе это хрупкое тело, чувствовать, как сама она всем своим существом стремится к нему – было выше его сил. И он махнул рукой и на здравый смысл, и на подавшую голос совесть.

Прошло несколько месяцев, всё оставалось по-прежнему. Алина не задавала вопросов, ни о чём не просила. Ему казалось, что ситуация сложилась идеально для всех. Марта ничего не подозревала: в то время она как раз вышла из декрета и так выматывалась, разрываясь между работой, ребёнком и домашними делами, что не замечала ничего, а добираясь вечером до кровати, хотела только одного – спать.

Но вот однажды Алина пришла на работу с тем видом, когда никакой косметикой нельзя скрыть: она проплакала полночи.

– Я так больше не могу! Я уже давно хотела сказать тебе: у меня больше нет сил жить в этом треугольнике. Я для тебя – всего лишь развлечение, а я так не могу! Не могу думать, что делю тебя с другой женщиной. Что встречаюсь с мужчиной, который... о Господи!.. – она отвернулась, закрыла лицо руками. Потом продолжала: – Никогда не думала, что со мной такое случится. Я всегда была такой честной. Мне бы и в голову не пришло заводить хоть что-то с женатым мужчиной. Но ты... ты был таким... я подумала... – она всхлипывала, по-прежнему не отрывая ладоней от лица. – Если я нужна тебе, будь со мной... а если нет, давай поставим на этом точку. Я уже не могу спать, я всё время плачу... Я не

могу больше так!

Борис молчал – сказать ему и в самом деле было нечего. Ну как ей объяснить, что если мужчине нравится проводить время с женщиной, это вовсе не значит, что она для него – всё на свете? Что женятся потому, что нужна семья, дети, стабильность, наконец; и невозможно жениться на каждой, в кого влюбляешься, – тогда вообще никогда жениться не надо. Что ему хорошо с его женой – она ему подходит, и хозяйка прекрасная; и, конечно, их ребёнку нужен отец.

На какое-то мгновение перед его мысленным взором пронеслось: вот он разводится с Мартой, женится на Алине. Новая жена тоже готовит ему обеды-ужины, гладит занавески, рождает ребёнка... А если потом отношения не заладятся? Страсть – это, конечно, здорово, но на одной страсти семью не построить. И даже если всё устроится гладко – зачем ему расставаться с Мартой, с которой всё *уже* налажено? *Зачем* что-то менять? При разводе понадобится разменивать квартиру, и бывшей жене с ребёнком достанется большая из двух, а им с новой женой и ребёнком придётся ютиться в крохотной однокомнатной... алименты... кошмар!.. Ох, ну чего она плачет, бедная... А вслух он произнёс:

– Родная моя, ну пожалуйста, ну не плачь, я не хотел сделать тебе больно. Ну ты же умница, ты же понимаешь, как всё непросто... я не могу сейчас бросить ребёнка. Ну потерпи чуть-чуть, ну пожалуйста, ну не надо...

И он нёс эту ахинею, не переставая прижимать к себе её

вздрагивающие плечи, целуя её волосы, шею, потом отвёл её пальцы от лица и стал целовать глаза, губы. Девушка перестала плакать, вздохнула.

– Я не могу без тебя, – прошептала она.

– Я тоже не могу без тебя.

И всё осталось, как прежде. Пока спустя пару месяцев они не наткнулись на Арину. Борис всегда вёл себя очень осторожно; даже если он появлялся с девушкой на людях, их всегда можно было принять за приятелей, заглянувших на чашку чая в кафе поболтать, или которым просто случилось идти в одну сторону. Но тут вышло так, что они как раз уходили из кафе и, помогая ей надеть пальто, он наклонился вперёд, она обернулась и они поцеловались. Когда Борис поднял глаза, он увидел стоящую в дверях сестру, которая в упор смотрела на него. Выражение её лица не предвещало ничего хорошего.

– Ты не имеешь права так себя вести, – говорила она ему несколькими часами позже. – Если тебе плевать на твою семью, зачем тогда вообще было жениться?!

Он вяло пытался оправдаться:

– Да не воспринимай ты всё так серьёзно, ну подумаешь!.. Марта для меня – единственная женщина, я никогда с ней не разведусь...

– Единственная? – перебила Арина. – В каком, интересно, смысле – единственная?! А ты хоть подумал: что будет, если она узнает?

– Марта ничего не узнает, и я не собираюсь...

– Допустим, не узнает – хотя это не умаляет низости твоего поведения – а о девчонке ты подумал?!

– А здесь-то тебе не всё равно? Я ничего ей не обещал, она всё понимает и не надо делать драму на пустом месте.

– Не обещал? Сколько ей лет – двадцать, двадцать два? Я видела, как она смотрела на тебя. И поверь: уж в чём, а в людях я к тридцати пяти годам разбираться научилась!

– Ну зачем же добавлять себе лет...

– Не уходи от темы. Послушай, ты знаешь, почему я развелась со вторым придурком, и я не желаю Марте того же. Тем более что она этого никак не заслужила. И прекрати терзать девочку и дай ей спокойно жить дальше. Ты мой брат, я тебя люблю, но совесть тоже надо иметь.

Нет, не может быть, чтобы она рассказала Марте! Они – одна семья, они всегда были горой друг за друга, зачем ей это делать? Но несмотря на то, что Арина не угрожала разоблачениями, он испугался. В голосе сестры чувствовалась серьёзность и что-то ещё, чего он не мог определить, но понял: лучше не связываться.

С того дня он молча прекратил всё общение с Алиной. На её попытки выяснить, что происходит, отмалчивался, уходил от ответов на прямые вопросы, добавляя извечное «ну ты же всё понимаешь». Он видел, что девушка ходит осунувшаяся, временами вид у неё просто убитый, но его это не особо трогало, а порой даже раздражало – никому не нравится

знать, что он является причиной чьего-то горя. Когда спустя пару месяцев Алина уволилась, он вздохнул с облегчением. А также зарёкся заводить романы с созданиями, чьи идеалистические представления и принципы ещё не скорректированы жизненным опытом.

Борис услышал, как открывается входная дверь, голоса жены и сына. Машинально он взглянул на часы – оказывается, он сам пришёл всего десять минут назад; всё-таки как долго тянется время, когда ждёшь.

– О, привет, а вот и мы! – Марта радостно улыбалась. – Мы так торопились домой, да, сынок?

Она чуть запыхалась, щёки разругнулись, улыбка озаряла всё лицо тёплым светом. Хм, как-то он и забыл, какая красавица его жена. И выглядит совсем молодо, никогда не дашь её возраст. Он подошёл к ней, чуть улыбаясь и со значением глядя в глаза, положил руку на затылок, притянул к себе.

– Кажется, мне надо почаще задерживаться на работе, а? – Марта обняла его в ответ.

– Мама, помоги, пожалуйста, снять ботинок, он застрял!

– Никакой романтики! – игриво шепнула она мужу, отстраняясь. – Да, сынок, сейчас.

Марта сидела за своим рабочим столом, делая перевод очередного задания. Текст был для неё простым, специфики в нём не было никакой, и слова и предложения почти сами сыпались из-под её пальцев, проворно бегавших по клавиатуре компьютера. Она остановилась на несколько мгновений, подбирая формулировку, подняла глаза. За окном, – «на воле», как говорила соседка по кабинету Аня, – осень окончательно прибрала город к рукам: деревья сплошь пожелтели, некоторые уже стояли с заметными проплешинами, и от этого улица казалась какой-то прозрачной. Внимание её чуть рассеялось и мысли, словно тайком сбежавшие с урока школьники, начали осторожно бродить, поднимая совсем не рабочие вопросы.

Смутное беспокойство, казалось, не имевшее под собой никаких оснований, тем не менее по-прежнему не оставляло её, несмотря на всё попытки понять его причину. Она снова вспомнила француза-фотографа – вопросы, которые он задавал, на первый взгляд были такими простыми, но почему-то она не смогла ответить ни на один из них. Может быть, она просто не знала ответов? Она вспоминала его лицо, взгляд, который будто проникал куда-то в самую её глубину, и каждый раз при этом, даже будучи всего лишь наедине со своими мыслями, смущалась, сама не понимая – отчего.

Его визитка теперь лежала в кармашке её кошелька, и вид её каждый раз приводил Марту в лёгкое замешательство.

Поначалу она вообще не собиралась звонить ему – зачем? У него – своя жизнь, у неё – своя, и какой смысл им увидеться ещё раз, ведь потом всё равно их дороги разбегутся в разные стороны так же внезапно, как и сошлись, – словно прямые, которые пересекаются только в одной точке. Да и когда она сможет назначить встречу? Просить мужа забрать вечером Мишу из сада – он, вероятно, не откажет, она никогда ещё не просила его об этом, но разумеется, спросит, в чём дело, – и что она скажет? Про выходные так и вообще речи быть не может.

Марта вдруг в некоторой растерянности увидела, что за целую неделю у неё не отведено ни минуты на личное время. Времени, когда она, например, ходила бы на какие-то курсы, или в спортзал, или просто встречалась с подругами. Времени, которое бы принадлежало только ей, и которым она могла бы распоряжаться по своему усмотрению. Каждая минута её незамысловатого дня – как на ладони: отвести сына в сад, потом – на работу, с работы – домой, забрав по дороге сына, ужин, домашние дела. Борис всегда знал, где она и чем занимается. А ведь – Марта словно впервые это обнаружила – у него самого это личное время всегда было! За все годы их брака у него находилось множество мест, где он проводил время помимо работы и дома: то он учил английский, – Марта предлагала ему свою помощь, но видеть жену в каче-

стве своего преподавателя он не хотел, – то ездил в бассейн, то в тренажёрный зал, почти всегда – волейбол с друзьями по воскресеньям, не говоря уже о посиделках с приятелями после работы время от времени. Вот оно, время, когда можно сказать: «Я на курсы», а самому иной раз пойти куда-то ещё, и никто ничего не узнает.

Как же так получилось? Почему у неё никогда не находилось времени для себя? Она вдруг ни с того ни с сего снова подумала, что так и не попробовала устриц, а потом – по цепочке – стала вспоминать всё остальное, что так и откладывалось на потом, «когда будет время», – а когда же оно, наконец, будет? И она никогда не была в Париже... при чём тут Париж?! А при том, что она не может даже пару часов найти, чтобы встретиться с человеком, а муж при этом занимается своими делами... То есть, получается, пока она готовит-моет-убирает, занимается их ребёнком, он пьёт пиво, или плывёт по дорожке, или... или встречается с женщинами?..

Марте стало не по себе. Что за ерунда? Если она сама ищет лазейку, чтобы встретиться с другим мужчиной, то это не значит, что и муж использовал время, официально отведённое, например, на спорт, на встречи с другими женщинами! Но... почему нет?

Она убрала руки с клавиатуры, откинулась в кресле. Она подозревает мужа в неверности? Нет, она никогда даже не задумывалась об этом – для неё самой других мужчин все эти годы не существовало; да и, насколько она помнила, ос-

нований не доверять Борису у неё не было. Хотя, если захотеть, скрыть связи на стороне совсем несложно... Ох, ну почему она об этом думает? Или ей обидно? – да, вот именно: ей ужасно обидно, что за девять лет у неё не нашлось времени для того, чтобы сделать что-то для своего развития или совершенствования, потому что она тратила все эти, и без того крошечные, кусочки на то, чтобы дать возможность мужу заниматься тем, что нравится ему. А он даже не подумал предложить ей хоть раз подменить её, чтобы она могла заняться чем-то для себя, а не для них!..

Горькая волна обиды и разочарования подступила комом к горлу. На ум вдруг пришёл обрывок выражения «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы»¹, – и кто это сказал?..

– Марта, что с тобой? – услышала она обеспокоенный голос Ани.

Она подняла глаза – словно вынырнула из забвения:

– Ничего, всё нормально... Что-то голова разболелась, – она потёрла пальцами виски. – Не обращай внимания.

– Может, дать тебе таблетку? У меня есть?.. – И после отрицательного покачивания Марты головой: – Я пойду, налью чаю – тебе принести? И лимон есть. Не хочешь? Ну смотри... – Аня вышла.

Некоторое время Марта сидела неподвижно; потом решительно достала визитку художника и набрала его номер.

¹ Николай Островский «Как закалялась сталь».

8

– А вот и папа пришёл! – Марта услышала, как муж вошёл в квартиру, бросил на пол спортивную сумку, – это был день спортзала, – стал раздеваться. Они с Мишей возились в детской. Вообще-то, ему уже пора было спать, но мальчик хотел дождаться отца, чтобы обнять его перед сном и пожелать спокойной ночи. Борис вошёл в комнату с видом человека, довольного прошедшим днём, своей жизнью и самим собой.

– Что-то ты совсем поздно сегодня! – Марта и сама почувствовала, как в её словах прозвучало недовольство. – Миша не захотел ложиться, пока ты не придёшь.

– Ну мы немного посидели с ребятами в кафе в спортзале... ужинать не буду. – Борис переключил внимание на сына: – Как дела, мой разбойник?

– Что ж, тогда, может быть, для разнообразия ты его и уложишь?

Борис удивлённо повернулся к жене:

– Но... мне нужно принять душ... А почему ты не можешь уложить его?

У Марты перехватило дыхание. Она даже не сразу нашлась, что ответить – такой наглостью вдруг показалось ей поведение мужа – а потом вдруг разом выпалила:

– Потому что ты весь вечер занимался собой! Спорт, друзья, кафе, теперь вот – душ, а я весь вечер занималась домом

и ребёнком и, можешь себе представить, тоже хочу в душ! А ещё я тоже хочу иметь возможность заниматься спортом, собой, сесть почитать книжку, наконец! Мы оба работаем, и я тоже устаю и точно также иногда хочу не нестись домой сломя голову, а посидеть с подружкой в кафе, или поплавать в бассейне, или просто пройтись! И Миша – точно такой же твой сын, как и мой!

Даже появившись сейчас на пороге их квартиры президент страны с официальным визитом, это не произвело бы большего эффекта. Борис ещё никогда не слышал от жены ничего подобного, и Марта видела, как он поражён. В первую минуту после её тирады он оцепенел; потом хотел что-то сказать, но видимо, никак не мог сообразить, что происходит, и что в таком случае от него требуется, и поэтому лишь продолжал смотреть на жену в молчаливом недоумении.

– Так вот, – продолжила она после паузы, – я пошла в ванную, а ты уложишь Мишу спать. И, пожалуйста, научись это делать, поскольку со следующей недели я тоже хожу в спортзал!

И она вышла, не дожидаясь ответа. Борис услышал, как она зашла в ванную и включила воду.

Спустя час, когда Марта пила на кухне чай, вошёл муж. Обида по-прежнему кипела в ней и, несмотря на то, что они чуть ли не впервые в жизни поссорились, вины своей она не чувствовала и была полна решимости отстаивать свои права, так что, увидев Бориса, вся как будто внутренне сгруппиро-

валась, готовясь к продолжению перепалки. К её удивлению, муж молча сел рядом, обнял её за плечи, притянул к себе, потом провел ладонью по волосам. Раньше подобное вызывало у Марты чувство покоя и защищённости, сейчас же она в недоумении обнаружила, что поведение Бориса лишь раздражает её. «Обращается со мной, как с ребёнком, – подумала она. – Не хватало только, чтобы сказал что-то вроде “ну всё, всё, пошумела – и хватит”».

– Дорогая моя, – произнёс Борис ласково, – я знаю, ты устала, и я в этом отчасти виноват. Конечно, я не имею ничего против того, чтобы ты тоже занималась собой. Что ж, ты сама знаешь, что семья и ребёнок – это бывает тяжело. Ты у меня такая молодец. Лучше всех, правда! Ты столько делаешь для нас... если бы не ты, ничего бы не было.

Возмущение снова начало тихо закипать в душе у Марты, но она молчала. Бесплатная домработница и няня, вот кто она ему! Она забыла, как раньше ей и самой нравилось готовить каждый день что-то новое, чтобы порадовать мужа, с какой нежностью гладила она его рубашки, как не жалела сил, чтобы сделать дом таким, куда Борис спешил бы каждый день возвращаться, как в лучшее место на земле. Сейчас она видела только, что все её труды воспринимаются, как нечто само собой разумеющееся, что даже не стоит благодарности. Как нарочно, Борис продолжил:

– Это ведь предназначение женщины – создать уютный дом, где пахнет пирогами и слышен детский смех, а? – Он с

улыбкой чуть крепче прижал её к себе. – И знаешь, я думаю, нам уже пора задуматься о втором ребёнке.

О втором ребёнке! О втором ребёнке?! Марта даже вско-чила от негодования:

– О, конечно, почему бы тебе не хотеть второго ребёнка – это ведь так просто: сделал дело – гуляй смело, да?! А вся эта проза жизни – мучиться с токсикозом, сцеживать молоко, потому что он не хочет грудь, а она болит, и того и гляди – начнётся воспаление; вставать по ночам, а днём не находить времени, чтобы хотя бы зубы почистить, потому что надо кормить, купать, укладывать, менять пелёнки – это уже забота жены, правда? И при этом никто не отменял готовку, уборку и всё остальное – то, что ты называешь «создавать уютный дом»! А пока я буду разрываться между плитой и горшками, ты по-прежнему будешь ходить в спортзал и пить с друзьями пиво – просто великолепно, не правда ли?!

– Да что на тебя такое нашло сегодня? Что за демагогия? – интонация у него была такая, как если бы он объяснял расшалившемуся ребёнку, что пора успокоиться. – Или, может, мужчина уже стал способен кормить грудью?

– Нет, это ты разводишь демагогию! Я не предлагаю тебе кормить младенца, но почему нельзя помочь по дому – ведь нанять домработницу ты не хочешь!.. Ты хоть раз за девять лет убрал в квартире, приготовил обед или ужин, перемыл посуду? Или, может, ты кормил или купал Мишу, сидел с ним ночью, когда он болеет? В чём заключается для тебя се-

мья – что не надо приходиться в пустой дом с пустым холодильником? Или что можно гордо сказать: «Это мой сын»?

– Ну Марта, ну зачем ты так? У моих родителей нас тоже было двое, и мама сама со всем справлялась – а ведь в то время даже подгузников одноразовых не было! А машину стиральную они смогли купить уже только после моего рождения; и, конечно же, не «автомат»... ну что с тобой?!

Марта молчала. Она вдруг поняла, что устала «сама со всем справляться». Что хочет не «справляться», а жить. Хочет, чтобы удовольствие читать сыну на ночь сказку не омрачалось мыслями, что нужно ещё пойти почистить плиту или желанием поскорее самой добраться до постели. Ну как Борис этого не понимает? Неужели вообще все мужчины так рассуждают? Ну что тут ещё объяснять?

Она вдруг словно разом обессилела: пропали и возмущение, и злость, и желание восстановить справедливость. Какая-то безучастность овладела ею; Марта опустила на стул, уронила голову на руки. Ей больше не хотелось ничего говорить. Борис, увидев, что она успокоилась, мысленно облегчённо вздохнул и снова обнял её. Он не сомневался, что жена просто немного устала, а может, неприятности на работе или гормоны – что ж, бывает. Она всегда была идеальной женой – можно и ей иногда сорваться, с кем не случается. Ничего, всё пройдёт.

Ему даже в голову не пришло, что Марта и в самом деле начала смотреть на свою жизнь другими глазами.

Они встретились на бульваре, недалеко от места, где работала Марта. Она ещё издали увидела его, Марка; на какое-то мгновение, словно в растерянности, замедлила шаг, машинально поправила причёску.

Накануне вечером она задумалась: что же ей надеть в этот день? Марте не хотелось думать, что это свидание, – в конце концов, оба они несвободны; кроме того, их предыдущая встреча была чистой случайностью, и расстаться пришлось прямо посередине разговора – словом, Марта рассматривала эту встречу, как если бы они решили погулять и вспомнить детство с бывшим одноклассником.

Тем не менее, хорошо выглядеть ей хотелось. Что-нибудь простое, но элегантное, не нарядное, но и не откровенно рабочий вариант. И, стоя перед платяным шкафом, с удивлением, переходящим в замешательство, она обнаружила, что ей совершенно нечего надеть. Не классическое «полный шкаф, а носить нечего» – у неё действительно не было ничего подходящего.

Марта прикинула, когда в последний раз она всерьёз ходила по магазинам одежды. Перед выходом из декрета? Не может быть! С другой стороны, какие наряды нужны, чтобы сидеть за компьютером? Ей нравились удобные брюки, трикотажные кофточки и вязаные свитера. «Вот она, моя униформ-

ма мелкой служащей», – усмехнулась про себя Марта. Некоторые из её коллег на работу приходили разодетыми, как на праздник – Марта их и понимала, и нет. С одной стороны, хочется носить красивые вещи, но с другой – кто их видит? Те немногочисленные сотрудники мужского пола, что у них работали, как на подбор – по сторонам особенно не смотрели, а если и отрывались от работы, то только для того, чтобы с головой погрузиться в Интернет. «Если только эти девушки не ходят ежедневно на свидания», – пожимала плечами Марта. «Крайне маловероятно», – усмехалась в ответ Аня.

Всё же в её гардеробе было несколько вещей, которые Марта берегла для особых случаев. Она смотрела на светло-серое платье из тончайшего кашемира. Прямое и слегка приталенное, чуть выше колена, с красивым вырезом, служившим ему украшением. Марта остановилась на нём: то, что нужно; к тому же, по погоде и подойдёт к её плащу.

Пока Марта шла по дорожке, она рассматривала своего нового знакомого. Кого он ей напоминает? И вдруг поняла: Христос с полотен эпохи Возрождения. То же узкое лицо, тёмные глаза, длинные выющиеся волосы, но главное – взгляд. Глаза, которые, кажется, видят и тебя, и всё человечество насквозь, и знают все его слабости и пороки, мечты и чаяния... «Откуда у него такой взгляд?» – мелькнуло у Марты. В ту же минуту Марк заметил её. Улыбнулся. Не просто приветливо, как человек, который рад встрече, не подчеркнуто дружески, как человек, который хочет понравиться, а

как-то очень серьёзно... «Очень лично», – подумала Марта и опять смутилась.

– Добрый вечер, Марта, – он слегка коснулся её щеки своей. – Я понимаю, как банально это прозвучит, но вы и в самом деле прекрасно выглядите. – Он по-прежнему улыбался. Удивительная это была улыбка: она начиналась в глазах и как будто постепенно растекалась по лицу, освещая его, чуть подрагивая в уголках губ. И Марте вдруг стало так легко, так спокойно – будто она и впрямь встретилась со старым другом, который всегда поймёт и поддержит. И она задорно ответила:

– Знаете, может, это прозвучит глупо, но вы тоже выглядите великолепно.

Он подмигнул:

– Значит, вместе мы должны смотреться просто идеально. По-моему, отличное начало, как вы считаете?

День был прохладный, но сухой и тихий. Марта предложила немного пройтись, и они не спеша направились вдоль бульвара. Крупный красно-оранжевый кленовый лист, сорвавшись с ветки, плавно опустился прямо ей под ноги. Он был так безупречно красив, что, подавшись внезапному порыву, Марк поднял его и протянул своей спутнице.

– Какой... совершенный!.. – вздохнула Марта. – Даже думать не хочется, что скоро он пожухнет, свернётся, а потом – и вовсе рассыплется в пыль...

Она огляделась: столько красоты было вокруг. Улыбнув-

шись, она стала подбирать самые гладкие и яркие из листьев, и вскоре у неё получился целый букет. «И в самом деле, школьники, – пронеслось в голове. – Только портфелей не хватает». Она обернулась к Марку:

– Тысячу лет вот так не гуляла. А вы? – Она держала собранные листья сразу двумя руками, прямо перед собой; пестрым пятном они выделялись на фоне её тёмно-синего плаща.

– Я люблю гулять... – Он слегка запрокинул голову, взгляд его устремился куда-то вверх домов и деревьев. – Кроме того, прогулки – это ведь часть моей работы. Вы не представляете, сколько удивительных вещей можно обнаружить, если хотя бы чуть-чуть приглядеться. Вот, например... – Он остановился, чуть повернул Марту в нужном направлении. – Если посмотреть сквозь эту арку, создаётся впечатление, что она – начало аллеи, получается как бы аллея из камня и дерева, особенно если учесть, что на переднем плане – тоже ветка, и вот создалась необычная перспектива... Но самое интересное – это, безусловно, люди: их лица и позы часто в сотню раз красноречивее самых правильно подобранных слов. Вы ходите на фотографические выставки?

На подобной выставке Марта была лишь однажды, это были работы одного знаменитого фотографа, тоже французского, – она забыла его фамилию. Многие кадры тогда поразили её меткостью, с какой автор схватывал ситуацию, – будь

то сцена с людьми или без. На одном снимке – он так и назывался: «Шахтёр» – её потрясло выражение глаз молодого человека на переднем плане: смесь покорности судьбе и вызова, мудрости и какой-то безысходности. Она совершенно точно понимала, что Марк сейчас имеет в виду и, отвечая на его вопрос, оказалась на одной с ним волне.

Они продолжали идти рядом. Марк рассказывал о своей работе, о том, что видит он через свой объектив, что хочет показать. Рассказывал о своих выставках, об успехах и неудачах; и о других фотографах – об их работах, идеях, стилях. Марта больше слушала, изредка вставляя короткий комментарий или отвечая на вопрос. Ей казалось, что каким-то непостижимым образом она и сама всё это видела, – так близко оказались ей многие вещи.

Они устроились в небольшом ресторанчике за круглым столиком на двоих. Марта чувствовала, как то ли от бокала красного вина, что она выпила во время ужина, то ли от перехода в тепло, – к концу прогулки она успела порядком озябнуть, – а может быть, от чего-то ещё её тело расслабилось, а все мысли куда-то улетучились. Было только здесь и сейчас – и больше ничего. Она тоже стала рассказывать: о себе, о своей жизни. Исполдволь, не задавая прямых вопросов, Марк спрашивал её об отношении к самым разным вещам, её ценностях, представлениях о важном и о второстепенном. Закрытая для посторонних и непросто сходящаяся с новыми людьми, Марта, к своему удивлению, легко и сво-

бодно обсуждала самые разные вопросы, делилась сомнениями, планами.

«Вот уж точно, бывшие одноклассники, – снова подумала она. – Как всё-таки здорово общаться с человеком на одном языке». При этом она внезапно осознала, как давно они не говорили просто так, по душам, с мужем: всё какие-то дела, заботы, да и возвращается он по вечерам часто поздно. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз они, как бывало ранее – сидя в обнимку, шептались обо всём на свете. «Неужели, когда человек всё время рядом, наступает подсознательное ощущение, что всё ещё успеется?». И снова «на потом», «на будущее»... Будущее уже наступило... да, наступило.

Марта взглянула на часы, с огорчением подняла глаза:

– Уже поздно. К сожалению, мне пора... – И добавила с улыбкой, почти счастливой: – У меня давно не было такого замечательного вечера. Спасибо за прогулку и за беседу.

Марк смотрел на неё молча, без улыбки, но тепло.

– Это я вас должен благодарить.

Марта в который раз подумала, какая необычная у него манера говорить – не то, чтобы официальная, а какая-то книжная, что ли. «Русский, наверное, уже стал для него иностранным...»

– Меня-то за что?

Он не ответил, только продолжал задумчиво смотреть на неё. Марта отвела глаза, стала собираться. Сегодня из дет-

ского сада Мишу забрала её мама, так что ей и в самом деле нужно было торопиться: сначала – за сыном, потом – домой. Когда Марта обратилась с этой просьбой, мать удивилась, но как ни странно, не стала ни о чём расспрашивать, только, согласившись, добавила, что рада возможности побыть с внуком.

Ещё довольно молодая, на пенсию она, в отличие от многих своих приятельниц, не спешила, при этом, кроме работы, находила время и на издавна любимые ею театры, и на книги, и даже на лыжные прогулки зимой. Она и дочери с детства старалась привить вкус к искусству: почти каждые выходные они обязательно шли то в музей, то на концерт или на спектакль, а то и просто гуляли по старой Москве, приобщаясь к истории тысячелетнего города. Вот только целенаправленно заниматься тем же рисованием или музыкой не оставалось времени: в детстве Марта довольно серьёзно занималась художественной гимнастикой, и втолкнуть в расписание что-то ещё было попросту невозможно, а, как справедливо рассуждала мать, спортивная активность ребёнку нужнее, чем после сидения в школе и за уроками снова сидеть где-то ещё.

Собственно, во многом именно гимнастика определила и фигуру, и сохранившуюся все эти годы подтянутость Марты, даже несмотря на отсутствие спорта. К тому же природа была щедра к ней: гибкость, пластичность были у девочки от рождения – оставалось только развивать уже заложенное. Гимнастику Марта тоже любила:

ей нравилось ощущать своё тело подвижным и послушным её малейшим желаниям, красиво двигаться под красивую музыку. А ещё – те непередаваемые ощущения, когда то, что сначала не давалось, становится понятным и привычным, когда от простых движений постепенно переходишь к всё более сложным, когда то, что ещё недавно казалось невозможным, недостижимым, оказывается лишь пройденным этапом долгого и интересного пути.

Но как и большинство школьников, и сама Марта, да и её родители, рассматривали спорт только как полезное занятие для ребёнка, не предусмотренное в графике «взрослой» жизни. Поступая в университет, Марта расставалась со спортзалом без сожаления. А там уже началась совсем другая жизнь: новые знакомства, новые предметы, новые развлечения и интересы. После встречи с Борисом ей и вовсе ничего из этого стало не надо: она так любила его, что каждый час, проведённый не с ним, казался ей пустым и бессмысленным; и вот дальнейшие замужество и материнство окончательно заполнили её расписание. И всё же иногда она скучала по своему детскому занятию: вспоминала запах ковра и пудры, голос тренера в гулком зале, стук булавы и мяча. А какой невероятно вкусной казалась после тренировки вода, которую они с девчонками пили прямо из-под крана!..

В её недавних словах, сказанных Борису, о том, что она тоже будет ходить в спортзал, кроме горечи от несправедливого распределения их ролей была и накопившаяся тоска те-

ла по удовольствию быть гибким и сильным; тоска по физической разрядке после трудового дня.

Они простились с Марком у метро: Марта просила не провожать её. Не договаривались о следующей встрече, не обменивались планами на ближайшее время – просто весело расстались, как старые приятели. Совесть Марты была чиста: она просто позволила себе, как и муж, провести вечер вне дома – и кто обвинит её?

Уже уложив Мишу, всю дорогу домой взахлёб рассказывавшего, как они с бабушкой играли в лото, сколько варенья она разрешила положить ему в манную кашу и прочие подробности своего времяпрепровождения, Марта услышала, как вернулся муж, – это опять был день спортзала. Ну вот, и он тоже провёл вечер по своему усмотрению. Но сколько она ни повторяла себе, что время, проведённое ею сегодня с другим мужчиной, было совершенной невинностью, что-то в глубине души всё-таки вызывало смутное беспокойство. И позже, приняв душ и собираясь идти ложиться спать, она решила, что если уж совесть её в чём-то и упрекает, то она прямо сейчас докажет и себе, и ей, что единственный существующий для неё мужчина – это её муж. Молодая женщина в зеркале заговорщицки улыбнулась ей в ответ.

Но когда Марта скользнула под одеяло и придвинулась к Борису, то увидела, что тот уже спит крепким сном человека, у которого хорошее здоровье и нет никаких проблем.

И снова она лежала в темноте без сна. Какие-то пёстрые, сумбурные сновидения вытолкнули её в реальность, как после прыжка в воду выталкивает на поверхность. Она не могла сразу вспомнить, что же ей приснилось, и, следуя за своими ощущениями из смеси волнения и радости, вдруг вспомнила: француз! Совершенно точно он присутствовал в её сне, и именно это так взволновало её.

Почему она снова думает о нём? Да, ей понравилось с ним общаться, она даже, – так и быть! – признаёт, что ей нравится его внешность, но что с того? Скоро он уедет в свой Париж и никогда не вспомнит, как гулял по Москве со случайно подвернувшейся блондинкой – женой брата его любовницы, если быть точной... или кто он Арине?

То, что золовка увлечена им, не оставляло сомнений, а он – разделяет ли он её чувства? Принято считать, что мужчины не отказываются от ни к чему не обязывающих связей и, по возможности, стремятся приумножать число своих побед, так что, скорее всего, с Ариной их связывает не только работа над его выставкой.

Марта почувствовала смесь досады и раздражения. Ах, ну какое ей дело, у неё есть любимый муж, и кроме него ей никто не нужен уже почти десять лет! Она повернулась к лежащему рядом Борису. Ей захотелось разбудить его поцелуями

и ласками и потратить этот предрассветный час на нежную близость, которая – увы! – последние несколько лет случалась между ними всё реже и реже. Но делать этого она не стала: пару месяцев назад в ответ на подобную инициативу она получила только недовольное ворчание и выставленную, как щит, спину.

Марта вздохнула. Почему всё стало так прозаично? Внезапно ей вспомнилась её давешняя теория о делении жизни на две неравные части, где первая – это влюблённость, веселье и планы на будущее, а вторая – основная – повседневные заботы. Как же так? Неужели период, отведённый на влюблённость и радость, безвозвратно ушёл, и всё, что ей осталось, – это «супружеский долг», то есть долг в полном смысле этого слова? Неужели у всех дело обстоит именно так? Слишком сдержанная для того, чтобы обсуждать подобные вещи с подругами, она не могла знать наверняка, но интуиция подсказывала, что в данном случае не одна её замужняя подруга закивала бы с ней в унисон.

А как же Арина? Вот уж кто продолжает заводить романы, веселиться, да и планов на воплощение у неё и сейчас едва ли не больше, чем у Марты было за всю жизнь. Но Арина – не замужем; кто знает – если бы ей повезло встретить «своего» мужчину, вероятно, её жизнь тоже складывалась бы по-другому? Арина всегда нравилась ей: энергичная, уверенная в себе, с замечательным чувством юмора, она, казалось, успевала в одну жизнь вмещать сразу две. Марта восхищалась её

кругозором и обширными интересами; в сравнении с жизнью Арины своя собственная казалась ей стоячим болотом, но в тоже время она сочувствовала золовке – ведь у той не было семьи...

Хорошо, пусть время влюблённостей прошло, влюблённость переросла в любовь, но остальное? Неужели они настолько привыкли друг к другу, что потеряли всякий интерес? Она, конечно, устаёт и сил на «третью смену», как в бородатом анекдоте, часто просто не остаётся... но муж? Она вдруг почувствовала странное напряжение во всём теле, как человек, который понимает, что приближается к важному открытию. Первые годы их брака были, можно сказать, страстными; изменилось всё с рождением Миши. И если ей, и так спавшей в то время, порой, по три часа в сутки, ни до чего подобного не было дела, то муж – молодой, здоровый мужчина – что делал он?

Марте вдруг разом стали вспоминаться всевозможные детали, обратить внимание на которые у неё тогда не доставало сил; когда одно не сходилось с другим, когда, стоило лишь приглядеться, объяснение не вязалось с ситуацией. Вот ей показалось, что от него пахнет незнакомой парфюмерией; вот у него непрекращающийся аврал на работе, когда он изо дня в день приходит часа на три позже обычного, вот у него царапина на плече – и так далее, и так далее. А всегдашнее внимание к нему женского пола – с чего она взяла, что после женитьбы оно перестало интересовать Бориса? Она впервые

посмотрела на поведение мужа другими глазами и порази-лась, как слепа она была всё это время. Были ли у неё до-казательства? Нет. Разумеется, ни одного настоящего факта она не могла предъявить даже самой себе. Но картинка будто сама собой собиралась из кусочков, являя ей зрелище, кото-рому она, с одной стороны, не хотела верить, но с другой – продолжала всматриваться, обнаруживая всё новые детали.

Или всё это нервы? Неужели она превращается в пато-логически подозрительную особу, во всём видящую обман только потому, что сценарий их отношений стал более ров-ным? И он сказал, что хочет второго ребёнка... значит, он считает их брак достаточно прочным и счастливым для это-го. И снова волна раздражения, ещё более сильная, чем в тот момент, когда она услышала эти слова от мужа, накрыла её. Пока она будет разрываться между младенцем, старшим ребёнком и домашними делами, он будет продолжать жить, как нравится, куда-то ходить, с кем-то встречаться, с кем-то спать!..

Не в силах оставаться на месте, она поднялась с кровати и принялась за всегдашние утренние дела. Она надеялась, что привычные действия успокоят её и отвлекут от неприятных мыслей, в справедливости которых она, к тому же, не была уверена, но раздражение не проходило. К нему даже доба-вилась какая-то злость – на мужа, на себя, на то, что жизнь устроена так, а не иначе. Но если это – правило жизни, то по-лучается – у всех так? Если уж их брак, который со стороны

по всем общепринятым критериям можно было бы назвать образцовым, на поверку совсем не то, что кажется – где же правда?

Странно было начинать день в таком настроении. Марта любила утро. Утро – оно как приятное ожидание, как предвкушение, как начало. Что принесёт с собой день – неизвестно, но утро ещё, как правило, ничем не омрачено; мир кажется таким чистым и умытым, добрым, невинным. С самого детства Марте не надоедало рассматривать рассветную росу – иногда она даже делала снимки особенно красивых или интересных узоров из капель. И даже зимой, когда утро мало отличается от вечера, ей казалось, что именно утром воздух чище и как будто свежее.

– Что с тобой? – Борис вошёл на кухню как обычно, в то время, когда Миша уже завтракал, а Марта мыла кастрюльку из-под каши для сына.

Она не ожидала, что муж вот так сразу почувствует её настроение, и даже растерялась, лихорадочно решая, как ей быть: в конце концов, не могла же она с ходу выложить ему все свои подозрения и недовольство. Да он просто на смех её поднимет, и хорошо ещё, если не решит, что его жена, оказывается, полная дура и, к тому же, неврастеничка. А если же её подозрения не напрасны – ещё хуже: муж затаится, уничтожит всё, что могло бы хоть как-то пролить свет на то, как дела обстоят на самом деле, и тогда ей не останется ничего, кроме как бессильно злиться, так и продолжая терзать-

ся сомнениями.

– Я сегодня опять плохо спала... – Она перевела взгляд обратно на посуду. – Не знаю, что со мной происходит.

Говорила Марта негромко, стараясь, чтобы голос не выдал её эмоций.

– Устала я...

«Верчусь, как белка в колесе; каждый день – одно и то же... Нет, наверное, и раньше было одно и то же, но тогда меня всё радовало. Или казалось, что всё лучшее – ещё впереди. А сейчас – как будто долго разворачивала красивую упаковку с подарком, а там – ничего или какая-то ерунда... Будущее уже наступило, а я его не узнала, потому что представляла его себе другим. Не могу сказать, правда, каким именно, но не таким, иначе я бы поняла, что оно наступило. Это как в старину: жениху посылали портрет невесты, ей – портрет жениха, а когда молодые люди встречались, то зачастую не могли узнать друг друга, потому что портреты были до такой степени приукрашены, что переставали походить на оригиналы. Вот, наверное, забавно иногда получалось...»

От этой мысли Марта улыбнулась. Повернулась к мужу – тот завтракал на ходу. Что ж, они-то поженились по любви. Она внимательно смотрела на него: неужели он не любит её больше? Или – но нет, этого не может быть! – никогда не любил?.. Чушь какая! Тогда почему она всё больше и больше ощущает себя домработницей, а не женой – женщиной, которая нужна не для того, чтобы в доме были чистота и борщ

на плите, а для того, чтобы быть вместе в горе и радости? А уж ощущая свою нужность, свою незаменимость близкому человеку, она сама и приготовит, и погладит, и даже диванные подушки вышьет. Она подошла к Борису, молча обняла его. Она так соскучилась по тем временам, когда обниматься было их естественной потребностью, – и когда они прошли?.. Муж обнял её в ответ, чуть коснулся губами виска.

– Ну всё, малыш, я побежал. Не грусти давай.

Ей хотелось задержать его, сказать, как стосковалась она по его рукам, по его глазам – по его вниманию, наконец! – но Марта видела, что мысли мужа уже заняты другим, и слова застряли у неё в горле, натолкнувшись, как на глухую стену, на его равнодушие. Борис всегда был занят в первую очередь собой, но раньше у него хватало внимания и для неё. Сейчас же она – словно актёр второго, а то и третьего плана в пьесе его жизни. Пелена жгучих слёз обиды и бессилия что-либо изменить затуманила зрение. Марта отвернулась и принялась торопливо убирать со стола за Мишей.

– Ах, чёрт! – Марта вскочила, отпрянула от стола. По его поверхности растекалась горячая кофейная лужа. Часть рабочих бумаг уже пропиталась коричневой жидкостью, которая начала тонкими струйками стекать на пол. Аня, моментально оценив масштабы бедствия, рванула с салфетками на помощь. Марта поспешно убирала подальше компьютер, который, к счастью, не пострадал. Да уж, если день с утра не задался, другого продолжения ждать не приходится. И когда они с коллегой, наконец, закончили приводить в порядок рабочий стол, Марта, опускаясь на стул, чувствовала себя так, словно все силы покинули её. Она уронила голову на руки и вдруг заплакала.

– Марта, Марта, что такое, у тебя что-то случилось? – Аня встревожено обняла её за плечи. – Дома неприятности? – И, поскольку Марта только молча всхлипывала, добавила: – Ведь не из-за кофе же ты плачешь!

Аня присела рядом, продолжая обнимать подругу. Она не стала больше ни о чём спрашивать, только легонько поглаживала Марту по спине. Наконец, та перестала всхлипывать, вытерла слёзы, глубоко вздохнула, глядя невидящим взглядом куда-то в пространство.

– Всё нормально. Я сама виновата. Плохо спала, потом накрутила себя глупыми мыслями... не важно...

Какое-то время Аня ничего не отвечала, продолжая пристально смотреть на подругу.

– Что-то ты мне не нравишься, дорогая, – наконец изрекла она. – Уж слишком твой потухший вид не соответствует тому, что ты мне тут говоришь. – И осторожно, после краткой паузы понизив голос: – Муж что-то натворил?..

Марта опустила голову, помолчала, потом с коротким вздохом произнесла, будто про себя:

– Если бы я знала...

Она и в самом деле не понимала, что происходит, – с ней, с их отношениями с Борисом, с её отношением к собственной жизни, и главное: почему она вдруг начала видеть всё в новом свете. И эта бессонница, коварно извлекавшая то из глубин памяти, то из подсознания именно то, над чем до сих пор Марта не задумывалась... И непросто было разобраться, где – суть, а где – пустые блуждания в темноте.

Все эти месяцы она ни с кем не обсуждала эти изменения. Сначала просто не придавала значения – ну подумаешь, стала просыпаться по ночам! Говорят, в мегаполисе это распространённое явление... – но потом, когда размышлений стало всё больше, а вместе с ними стало меняться и восприятие всего, что происходит, Марте стало не по себе. Она и хотела с кем-нибудь поговорить об этом, и боялась. Боялась, что не поймут, лишь махнув про себя рукой, – мол, чего ей ещё в этой жизни не хватает, – или напротив, что узнают о ней что-то слишком сокровенное. Раньше она всеми сомне-

ниями, тревогами, надеждами делилась с мужем. Он был для неё всем – лучшим мужчиной, лучшим другом, даже лучшим психологом. Впервые за десять без малого лет она не то, что не чувствовала желания рассказать ему о том, что её снедает, а наоборот – даже боялась, как бы он об этом не узнал. И последнее пугало Марту ещё больше.

Но сейчас ситуация, видимо, достигла критической точки. И Марта, собравшись с духом, произнесла:

– Кажется, мне больше не нравится то, как я живу... Так странно – вот уже несколько месяцев я никак не могла понять, в чём дело, а сейчас, стоило заговорить с тобой – и вот я сразу пришла к самой сути... – она чуть усмехнулась. – Скажешь, я дура, да?

Марта подумала, что, пожалуй, напрасно она выбрала сейчас в наперсницы Аню: разведённая мать дочери-подростка вряд ли поймёт, как может молодая здоровая женщина, имеющая прекрасного мужа, – во всяком случае, со стороны всё выглядело именно так, – души не чающего в ней очаровательного сынишку, просторную квартиру и прочие социально-бытовые блага, всерьёз жаловаться на жизнь. Аня, конечно, человек добрый, но – всего лишь человек, а злорадная мыслишка, что и более успешным, чем ты сам, тоже бывает несладко, не мелькнёт, разве что, у святого.

– Что-то конкретное? – Аня продолжала пристально всматриваться в лицо подруги.

– Да в том-то и дело, что нет... Ничего не изменилось по

сравнению с прошлым годом или предыдущими годами, но меня это как-то больше не радует. И ещё мне кажется, что мой муж относится ко мне совсем не так, как я к нему.

Неожиданно слова посыпались из неё, как из рога изобилия. Перескакивая с пятого на десятое, она рассказывала всё, о чём передумала в последние несколько месяцев: о бессоннице, о желании курить, об отношениях с мужем и – умолчала только о своих мыслях о художнике-французе.

Все эти дни Марта не переставала воскрешать в памяти подробности их встречи, вспоминая звук его голоса, слова, которые он произносил, его худощавое лицо, глубокие тёмные глаза. Ей было хорошо тогда, и вопреки этому – а, возможно, именно по этой причине – Марта решила, что ей больше не стоит видеться с Марком. Ей не хотелось разрушать очарование того вечера – ощущение свободы сбежавшей с урока студентки, лёгкий флирт с интересным женщиной, давно забытое чувство новизны.

И всё же это было, как попасть на киностудию, где улицы и дома выглядят так правдоподобно, где за пять минут можно попасть из Лондона и Нью-Йорк, и утрачивается чувство реальности, но где жить ты не останешься, потому что это не дома и не улицы, а всего лишь искусно раскрашенный картон. Марта отчётливо понимала, сколь абсурдно выглядела бы любая попытка их дальнейшего общения: разные страны, разная жизнь – разные люди, в конце концов! Ей хотелось просто сохранить это в сердце как приятный, но ничего не

значащий эпизод. И она, выгребая сейчас из души весь накопившийся там и тяготивший её беспорядок, не тронула только маленький уголок, оставленный для этого человека.

Говорила Марта долго. Она чувствовала, как с каждой фразой из неё уходит нервозность, стихает напряжение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.